

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1963.1.04>

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ БИТВЫ ПРИ ХУММУЛИ (ГУММЕЛЬСГОФ)

Х. ПАЛЛИ

В первые годы Северной войны на территории Эстонии произошло несколько сражений, оказавших большое влияние на дальнейший ход военных действий. К ним относятся битвы под Нарвой, при Эраствере (Эрестфер)¹ и Хуммули (Гуммельсгоф).

До настоящего времени исследователи больше всего уделяли внимание первой из них. Это и вполне понятно: в этой битве армия Карла XII впервые встретилась с главными силами русских войск. Лишь 9 лет спустя — под Полтавой — они снова вступили в бой.

Битва под Нарвой в той или иной мере освещается во всех обобщающих работах, где затрагивается Северная война. Кроме того, осада города и бой под Нарвой рассматриваются в специальной монографии буржуазного эстонского военного историка Х. Сеппа.² Несмотря на ограниченность буржуазной методологии, на явные шведские симпатии автора, на односторонний военный подход к вопросу, монография Х. Сеппа имеет и некоторые положительные черты. К ним относятся широкое использование как русских (опубликованных), так и шведских источников, а также материалов, находящихся в местных архивах. Почти исчерпывающим образом в монографии использована историческая литература по данному вопросу, изданная до 1930 года. Многие факты и даже некоторые выводы этой монографии сохраняют свое значение и до настоящего времени.

Гораздо меньше до сих пор обращали внимание на сражения при Эраствере и Хуммули. К сожалению, в советской исторической литературе до сих пор отсутствует ясная и правильная оценка обеих этих крупных удач русского оружия. Часто значение обеих этих битв считается более или менее равным. Так, полковник Б. С. Тельпуховский считает результатом побед при Эраствере, Хуммули и на р. Ижоре (где русские войска под командованием Ф. М. Апраксина отбросили войска Кронгорта) то, что «эти победы убеждали русскую армию в том, что шведов можно разбить. В ходе боев русские войска приобретали боевой опыт.»³ Оценка сражению при Хуммули не дается, победа при Эраствере выдвигается, так как здесь впервые «...убеждение в «непобедимости» шведов было поколеблено.»⁴ В «Очерках истории СССР, Россия в первой четверти XVIII в.» дается также лишь общая оценка этих

¹ В скобках приведены немецкие географические названия, широко использованные в старой, дореволюционной, а частично и в советской исторической литературе. Кроме того, в скобках даются соответствующие варианты личных имен в их оригинале (т. е. латинскими буквами), а в некоторых случаях и географических названий, если русская транскрипция или ретранскрипция их сильно искажает.

² H. Serr, *Narva piiramine ja lahing a. 1700*. Tallinn, 1930.

³ Б. С. Тельпуховский, *Северная война 1700—1721*. Москва, 1946, стр. 47.

⁴ Там же.

битв и успешных действий русской флотилии на озере Ладого.⁵ Эти победы дали русскому командованию возможность приступить к осаде крепости Нотебург (Nöteborg, Pähkinälinna). При этом и здесь выделяют первую из этих побед — победу при Эраствере.⁶ Примерно так же оценивает результаты битв при Эраствере и Хуммули и Е. В. Тарле⁷, выделяя из них первую, как особенно важную по своему моральному результату.⁸ Моральный результат Эраствере подчеркивается и Л. Г. Бескровным,⁹ который, в то же время, не дает подробной оценки битвы при Хуммули, хотя и подчеркивает, что при Хуммули был разгромлен корпус Шлиппенбаха.¹⁰ Более подробно и, пожалуй, несколько более верно характеризует победы при Эраствере и Хуммули Е. И. Порфирьев.¹¹

Одной из причин отсутствия ясной оценки этих важных событий первых годов Северной войны является то, что в советской исторической литературе нет специальной монографии о первых годах Северной войны в Прибалтике.¹² Общие, обобщающие работы и работы, посвященные другим моментам в этой войне, не имеющие достаточного монографического базиса, должны поэтому характеризовать сражения суммарно, не выделяя при этом основных моментов той ожесточенной борьбы, в ходе которой складывалась основа дальнейших успехов русского оружия. Впрочем и даты сражений приводятся часто неверно и неопределенно. Так, Б. С. Тельпуховский датирует сражение при Эраствере январем 1702 г.,¹³ Е. В. Тарле последними числами декабря 1701 г. и 1 января 1702 г.¹⁴ Сражение при Хуммули неправильно датируется 17 июля 1702 г.¹⁵ На самом деле битва при Эраствере произошла 29 декабря 1701 г. (30 декабря по шведскому календарю; в дальнейшем — шв.), а битва при Хуммули 18 июля (19 июля шв.) 1702 года по старому стилю.

Следует отметить, что и в шведской и эстонской буржуазной исторической литературе битвы при Эраствере и Хуммули специально и всесторонне не рассматриваются. Шведский историк О. Шёгрен, который использовал один из важнейших источников по военной истории первых лет Северной войны в Остзейских провинциях Швеции — полевой архив Шлиппенбаха, — часто находится под влиянием этих тенденциозных материалов и совершенно некритически относится к ним.¹⁶ При этом он доходит, например, до того, что считает битву при Эраствере стратегической победой шведских войск (!)¹⁷ (мнение это большинством других шведских историков не разделяется). Другие шведские историки специально военными событиями тех годов в Прибалтике не занимались, они затрагивают их в той или иной мере в своих трудах, посвященных вообще Северной войне или ее первым годам. Эстонский буржуазный военный историк

⁵ Преобразования Петра I. Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Под ред. докт. ист. наук Б. П. Кафенгауза и канд. ист. наук Н. И. Павленко. Москва, 1954, стр. 470.

⁶ Там же.

⁷ Е. В. Тарле, Северная война и шведское нашествие на Россию. Москва, 1958, стр. 78.

⁸ Там же, стр. 74.

⁹ Л. Г. Бескровный, Русская армия и флот в XVIII веке. Москва, 1958, стр. 190.

¹⁰ Там же.

¹¹ Е. И. Порфирьев, Петр I — основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. Москва, 1952, стр. 136 и 138.

¹² В 1960 году в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской была защищена кандидатская диссертация Ю. П. Балашовой, Из истории Северной войны (от поражения под Нарвой и до взятия Орешка, 1700—1702 гг.). В диссертации много нового материала из архивов Москвы и Ленинграда. Но отсутствие материалов из прибалтийских архивов и неудовлетворительное использование шведской и др. иностранной исторической литературы снижают ценность диссертации.

¹³ Б. С. Тельпуховский, Северная война 1700—1721, стр. 46.

¹⁴ Е. В. Тарле, Северная война и шведское нашествие на Россию, стр. 73.

¹⁵ Там же, стр. 76; Преобразование Петра I, стр. 470.

¹⁶ Эти материалы использованы им особенно широко в трудах: O. Sjögren, Försvarskriget i Lifland 1701 och 1702. Stockholm, 1883; W. A. Schlippenbachs liflandska här. «Historisk Tidskrift» 1896; Karl XII och hans män. Stockholm, 1899.

¹⁷ O. Sjögren, Försvarskriget i Lifland 1701 och 1702, стр. 38.

Х. Сепп сознательно отодвинул анализ этих сражений на «будущее время», а в своей тенденциозной статье в журнале «Сьдур» рассматривает лишь «опустошительные походы» Б. П. Шереметева в 1701 и 1702 гг.¹⁸

Чтобы правильно уяснить себе значение военных действий в 1701 и 1702 годах надо иметь ясное представление о военных планах, военных силах, экономических ресурсах и политике обеих сторон в Прибалтике.

Советские историки проделали огромную работу по изучению внутреннего положения России, где в исключительно сжатые сроки (особенно, если принять во внимание сравнительно медленные темпы развития в XVIII веке) была создана значительная военная промышленность, организована и обучена многочисленная армия, проведен ряд внутренних реформ и тем самым были созданы условия для коренного перелома в Северной войне.¹⁹

По истории внутреннего положения Швеции и ее военных сил во время Северной войны имеется обширная литература.²⁰ Как военные действия, так и внутреннее положение Финляндии в те годы подробно рассматриваются в монографии К. О. Линдеквиста.²¹ Гораздо хуже изучено положение в прибалтийских провинциях Швеции: шведский историк С. Шартану²² занимался изучением положения на местах в начале войны, первым годом войны ограничились и буржуазные историки М. Тьльдсепп и Н. Лооне.²³ Больше внимания уделяли эстонские историки вопросу использования местного эстонского населения в шведских войсках, создавая при этом легенду о существовании каких-то «национальных эстонских частей» в шведской армии²⁴ (беспочвенность такой «теории» видна уже из того факта, что все или почти все командные посты даже в земской милиции (ландмилиции) были в руках местных немцев или шведов, а мобилизованные крестьяне или эстонцы-горожане были рядовыми солдатами. Лишь в самое последнее время эстонские советские историки опубликовали документы о внутреннем положении Эстонии во время Северной войны и на их основе приступили к разработке этих вопросов.²⁵ Уже сейчас можно с полным правом ска-

¹⁸ H. Sepp, Boris Seremetjevi rüüsteretked Liivimaale 1701. ja 1702. a. «Sõdur» 1931, стр. 807—813 и 827—835.

¹⁹ Ср. Очерки истории СССР, Россия в первой четверти XVIII в.; обзор советской литературы имеется в статье Л. Г. Бескровного, Полтавская победа. «Вопросы истории» 1959, № 2, стр. 41—57.

²⁰ C. Adelsköld, Karl den tolfte och svenskarne. Stockholm, I—1902, II—1903; G. E. Axelson, Bidrag till kännedomen om Sveriges tillstånd på Karl XII:s tid. Visby, 1888; P. Hallerman, Tillståndet i Blekinge under det stora nordiska kriget. Karolinska Föbundets Årsbok (=KFÅ), 1916, стр. 240—273; он же, Tillståndet i Uppland under det stora nordiska kriget. KFÅ, 1919, стр. 253—323. Eli F. Heckscher, Sveriges ekonomiska historia från Gustav Vasa. Första delen, andra boken. Stockholm, 1936; K. G. Hildebrand, Ekonomiska syften i svensk expansions politik 1700—1709. KFÅ, 1949; O. Kuylenskierna, Det svenska artilleriet under Karl XII. KFÅ, 1917, стр. 1—25; S. Schartau, Tillståndet i Jönköpings län 1697—1721. KFÅ, 1915, стр. 207—245. S. Schartau, Om Sveriges inre tillstånd under Karl XII: s tid Karl XII. Till 200 — årsdagen av hans död. Utgiven av S. Bring. Stocholm, 1918, стр. 499—530.

²¹ K. O. Lindeqvist, Isovihan aika Suomessa. Porvoo, 1919.

²² S. Schartau, De svenska Österjöprovinserna vid det stora Nordiska Krigets utbrott. KFÅ, 1924, стр. 1—53 (Livland); 1925, стр. 1—28 (Estland); 1926, стр. 53—74 (Ingermanland).

²³ M. Töldsepp, Meeleolu Liivis 1700. a. Tartu, 1929 (рукопись в Научной библиотеке ТГУ).

N. Treumuth [Loone], Patkuli küsimus Riia konvendil 1700. a. juuni- ja juulikuus. «Ajalooline Ajakiri» 1927, стр. 129—144, 185—204; N. Loone, Frågorna om krigskontribution och lantförsvär på konventet i Riga år 1700. «Svio-Estonica» 1934, стр. 106—123.

²⁴ O. Liiv, Eesti ohvitserid Põhja sõjas. «Sõdur» 1939, стр. 67—71; Eestlastest Põhjasõja ühe väeühiku raames. «Sõdur» 1926, стр. 1083—1088; H. Sepp, Eesti sõjaväeosad ja Tartu kaitse aastal 1704. «Sõdur» 1933, стр. 259—265; Rootsi sõjaväe komplekteerimisest eestlaste ja soomlastega Kaarel XI valitsuse lõpul ja Põhja sõja ajal. «Sõdur» 1927, стр. 488—493 и 578—585.

²⁵ Eesti rahva ajaloo Põhjasõja aastail 1700—1721. Tallinn, 1960 (сборник документов); E. Õpik, Eesti talurahva «Rootsitrudusest» Põhjasõja ajal. Eesti ühenda-

зять, что материалы, извлеченные из местных архивов, дают возможность правильнее и полнее понять и в новом свете увидеть военные действия, происходившие в то время на территории Эстонии и по соседству с ней. В дальнейшем главное внимание будет уделено обстановке в Прибалтике и шведской стороне, которые слабее всего изучены советскими историками.

Для определения значения сражений в Прибалтике, имевших место после битвы под Нарвой, нам приходится использовать для установления численности русских войск и планов русского командования в первую очередь источники русского происхождения (важнейшие из них опубликованы²⁶). Для установления численности шведских войск, их планов, деятельности шведских властей в Прибалтике надо использовать в первую очередь документальные материалы шведского и прибалтийского происхождения и труды шведских историков, написанные на их основе;²⁷ часть документальных материалов находится в архивах Эстонии и Латвии. Мало пригодны для установления численности войск и планов противника материалы другой стороны. Эти данные основывались преимущественно на показаниях «языков». Сведения, полученные от них, были обычно недостаточными и сильно преувеличенными. Трудно установить также потери сторон: свои потери обыкновенно уменьшали, потери противника преувеличивали. При этом надо, конечно, в каждом отдельном случае строго и критически относиться к источникам и историческим трудам.

Попытаемся теперь на основе изучения материала русских, шведских (опубликованных) и прибалтийских источников и исторической литературы дать картину общего хода военных действий после Нарвы и на этой основе (особенно путем сравнения с Эраствере), выявить значение битвы при Хуммули.²⁸

*

После нарвского сражения Карл XII сперва намеревался продолжить свой поход вглубь России. Но малочисленность войск, серьезные трудности со снабжением и настоятельные уговоры генералитета привели к тому, что король отказался от этого плана. Шведские войска расположились на зимние квартиры в Лифляндии.²⁹

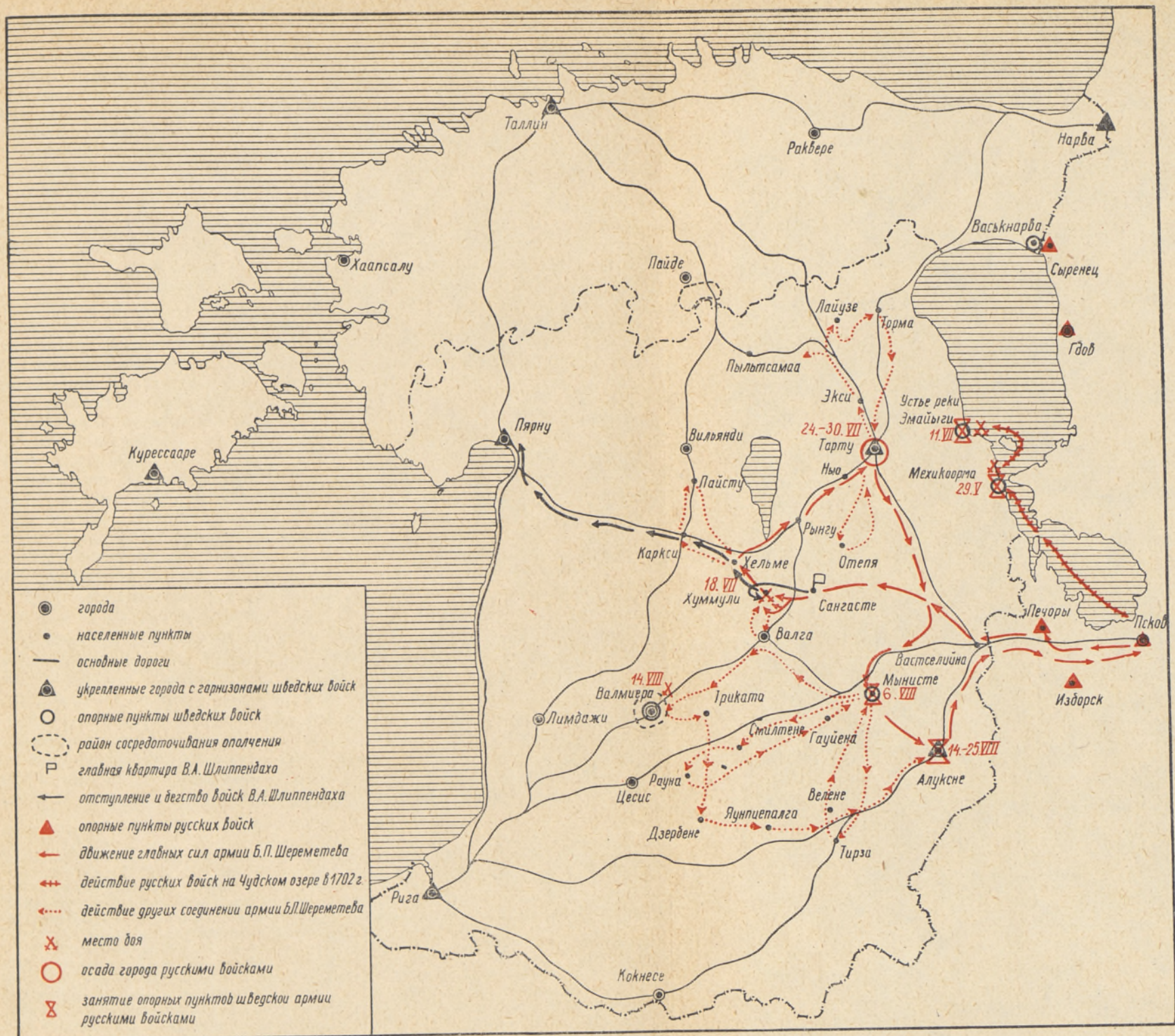
misest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Tallinn, 1960, стр. 54—102, H. Palli, Rootsi võimude tegevusest ja poliitikast Eestis Põhjasõja ajal, там же, стр. 13—53; E. Õrik, Eesti talurahval Põhjasõja ajal lasunud Rootsi sõjakoormistest. «Известия Академии наук Эстонской ССР, Серия общественных наук» 1960, № 4, стр. 364—384 (с резюме на русском языке). Ср.: История Эстонской ССР, т. 1. Таллин, 1961, стр. 489—490 и 491—527.

²⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I и II, СПб., 1887 и 1889; Журнал или поденная записка блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого с 1698 до заключения Нейштатского мира, ч. 1. СПб., 1770 г. Военнопоходный журнал... генерал-фельдмаршала Шереметева... Материалы Военно-Ученого Архива Главного Штаба, т. 1. СПб., 1871 (= журнал Шереметева). Н. Устрялов, История царствования Петра Великого, том IV, часть II. СПб., 1863; Н. П. Волынской, Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, вып. 1, кн. 3 и 4. СПб., 1912.

²⁷ В первую очередь уже упомянутые труды О. Шёгрена и С. Шартау. Кроме того, для выяснения численности шведских войск необходимо использовать С. О. Nordensvan, Svenska armén åren 1700—1709. KFA, 1916, стр. 124—179; Svenska arméns regementen 1700—1718. KFA, 1920, стр. 62—94; частично Generalstaben. Karl XII på slagfältet. Stockholm, 1918—1919. Кроме того, надо учитывать данные в биографии Карла XII, написанной Г. Андерфельдом и Г. Нордбергом (напр., немецкие издания G. Adlerfeld, Leben Carls des Zwölften von Schweden I, II. Frankfurt und Leipzig, 1740, 1741; [G. Nordberg], Leben Karl des Zwölften, Königs in Schweden I, II, III. 1745, 1746, 1751) и местную хроникеру Chr. Kelch, Liefländische Historia. Continuation 1690 bis 1707. Dorpat, 1875. Много материалов из Тартуского архива содержит работа K. Fr. Gadebusch, Livländische Jahrbücher. Dritter Teil, Zweiter Abschnitt, Anhang 1698—1710. Riga, 1782.

²⁸ Ход военных действий, военные планы и численность войск излагаются на основе уже упомянутых источников и литературы, как правило, без подробных ссылок.

²⁹ Иногда некоторые исследователи ошибочно считают современную Эстонию идентичной только с Эстляндией, а Лифляндию целиком считают частью Латвии.

Боевые действия в мае—августе 1702 г.

Летом 1701 года войска Карла XII подошли к Западной Двине, перешли ее и 8 (9) июля нанесли поражение саксонским войскам. После этого Карл XII остался в Курляндии и в первые месяцы 1702 года начал свой поход на Варшаву (намереваясь свергнуть Августа II с польского трона и превратить Польшу в вассальное королевство Швеции).

Чтобы понять отношение местного населения к мероприятиям шведских властей необходимо учитывать те изменения, которые произошли здесь за 1700 и 1701 годы.

За время пребывания армии Карла XII в Лифляндии (октябрь 1700 — июль 1701) в прибалтийских провинциях значительно обострились как классовые противоречия, так и противоречия между шведскими властями и местными эксплуатирующими классами (помещиками, богатыми купцами и ремесленниками-мастерами).³⁰

После ухода армии Карла XII в Лифляндии был оставлен (кроме значительных гарнизонов в Риге, Тарту, Нарве, Таллине и Пярну) небольшой полевой корпус под командованием В. А. Шлиппенбаха. До конца 1701 года в Лифляндии велась так называемая малая война: взаимные набеги и мелкие стычки между отрядами воюющих сторон. Наиболее крупной была Ряпинско-Рыугеская операция русских войск в сентябре. У Ряпина русским войскам удалось уничтожить находившийся там вражеский отряд, в остальных направлениях они были отброшены.

В создавшейся обстановке ожидалось новое, более решительное столкновение. К нему подготовилась как русская, так и шведская сторона. Шлиппенбах стремился возможно лучше укрепить свой корпус. Осенью 1701 года лифляндская земская милиция по приказу Карла XII была отдана под командование Шлиппенбаха.³¹ Последний получил и один (Харьюский) полк Эстляндской земской милиции. Шлиппенбах считал земскую милицию мало или совсем непригодной к военным действиям и предлагал использовать ее в качестве гарнизонов городов-крепостей, а регулярные войска, находившиеся в гарнизонах, присоединить к полевой армии. Хотя некоторые части земской милиции и были размещены в городах, но Шлиппенбах крупных пополнений из городских гарнизонов не получил.

Новое столкновение — бой при Эраствере (в журнале Шереметева Эраствери) произошло 29 (30 шв.) декабря 1701 года.

В битве при Эраствере со шведской стороны принимало участие 3—4 тысячи человек. Полк полковника Кампенгаузена (Campenhausen) не успел вовремя соединиться с войсками Шлиппенбаха. Не все войска Шереметева, бывшие в походе, приняли участие в сражении, а только около 10 тысяч человек.

Ход сражения нам хорошо известен:³² хотя войска Шлиппенбаха долго и упорно сопротивлялись, они в конце-концов, под вечер, вынуждены были отступить. Отступление под натиском войск Шереметева превратилось в бегство. Шведские войска отступили на запад и остановились около Сангасте (Sangaste, Sagnitz), примерно в 25 километрах от места сражения. Ночью в Эраствере прибыл полк Кампенгаузена, но, узнав

В действительности северная часть Лифляндии (уезды Тарту и Пярну) была населена эстонцами. В 1690 году шведские власти разделили Лифляндию на два экономическо-административных района — на Эстонский и Латышский дистрикты. Северная Лифляндия (т. е. Эстонский дистрикт) ныне входит в Эстонскую ССР. В ЭССР входит Сааремаа — полусамостоятельная административная единица в то время (подчиненная все же генерал-губернатору Лифляндии).

³⁰ Подробнее: Н. P all i, Rootsi võimude tegevusest ja poliitikast Eestis Põhjasõja ajal. Kogumikus: Eesti ühendamisest Venemaaga ja selle ajaloolisest tähtsusest. Tallinn, 1960, стр. 13—53. E. Ö p i k, Eesti talurahval Põhjasõja ajal lasunud Rootsi sõjakoormistest. «Известия Академии наук Эстонской ССР. Серия общественных наук», 1960, № 4, стр. 364—384 (с резюме на русском языке). Это относится и к другим местам в статье, где говорится о мероприятиях властей и внутреннем положении Лифляндии.

³¹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7349, оп. 1, ед. хр. 321, лл. 105 и 106. Письмо от 13 сент. 1701 (шв.).

³² Журнал Шереметева, ст. 82 и сл.; Библиотека ЦГИА ЭССР, А. XV. 92, стр. 405—412 (реляция Шлиппенбаха) и др.

об отступлении Шлиппенбаха, последовал в Сангасте. Потери шведских войск составили убитыми, ранеными, пленными и разбежавшимися около двух тысяч человек.

После боя войска Шереметева разрушили укрепленный пост в Ахья (Ahja, Ауа; Аге в журнале Шереметева) и возвратились в Псков.

Моральное значение победы при Эраствере было большое. Это была первая крупная победа русских войск. Недаром Петр I щедро наградил участников этого похода.

В военном и военно-стратегическом отношении победа при Эраствере имела куда меньшее значение. Армия Шлиппенбаха потерпела поражение, но она еще далеко не была разгромлена. Новая ставка Шлиппенбаха находилась примерно в 25 километрах западнее прежней. Русские войска разрушили лишь один небольшой опорный пункт Шлиппенбаха — укрепленный пост Ахья. После ухода русских войск в район их временного пребывания возвратились мелкие шведские отряды, этот район по-прежнему остался под властью шведской администрации. Да и экономический ущерб, нанесенный русскими войсками, был не особенно большим. Бой при Эраствере поставил на повестку дня русского командования необходимость полного разгрома войск Шлиппенбаха. И Шлиппенбаху и шведским властям было ясно, что Эраствере — это лишь начало. Обе стороны готовились к новому, решительному сражению.

Русская армия за короткий срок от Нарвы до Хуммули претерпела значительные изменения. Улучшилась военная подготовка, войска приобрели боевой опыт, военная промышленность в достатке снабжала вооруженные силы оружием. Русская армия стала грозной силой.

Шлиппенбах после поражения при Эраствере стал просить значительного пополнения своим войскам. Ему удалось кое-чего добиться: правительство в Стокгольме решило направить в Лифляндию весной 1702 года часть шведских рекрутов и большинство рекрутов из Финляндии. Шлиппенбах намеревался во главе 20—40-тысячной армии разгромить войска Шереметева и захватить Псков.

Постепенно складываются и русские планы военных действий. Еще в самом начале 1702 года Петр I в своем письме к Шереметеву высказал мысль занять Орешек (Pähkinälinna, Nöteborg).³³ Но выполнить этот замысел в начале 1702 года не удалось.

В марте 1702 года Петр I приказал Шереметеву занять оборонительную позицию и выжидать дальнейшего хода событий.³⁴ В мае, когда стало известно, что Карл XII со своей армией углубляется в Польшу (к Варшаве), царь дал своему фельдмаршалу указание перейти в «генеральное наступление».³⁵ Однако из-за повального падежа лошадей и отсутствия казаков и других иррегулярных частей Шереметев был вынужден отложить свое выступление до июля.

Ожидая прибытия значительных сил из Швеции и Финляндии, местные шведские власти и Шлиппенбах с одобрения Карла XII (который, находясь в Польше, все еще стремился руководить деятельностью местных властей и военного командования в Прибалтике) в то же время всеми силами старались в Остзейских провинциях Швеции сколотить новую армию. Начало этому было положено еще осенью 1701 года.

Усилилась, особенно после боя при Эраствере, вербовка местного населения в шведскую армию. Из Финляндии требовали пополнения в те части, которые содержались финским населением. Еще осенью 1701 года генерал-губернаторы Эстляндии и Лифляндии объявили о призыве в армию всех немцев, проживающих в сельской местности. Они должны были явиться в армию в полном вооружении и на коне. Распоряжение было вскоре распространено и на жителей мелких городов. В 1701 году все эти мероприятия имели весьма небольшой эффект. В начале 1702 года были изданы новые плакаты и патенты, повторяющие призыв в армию.³⁶ Весной 1702 года от пасторов потребовали поставки второго драгуна от каждого прихода (кихельконд,

³³ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. II, № 405.

³⁴ Там же, № 416.

³⁵ Там же, № 432.

³⁶ Livl. Patente 1696—1703, патенты от 10 и 28 янв. и 28 мая 1702; ЦГИА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 35, лл. 367 и 368 (плакат от 9 июня 1702).

в Эстляндии и Лифляндии территориальная единица).³⁷ Крестьяне, которые в случае объявления всеобщего ополчения должны были явиться в армию, были по распоряжению генерал-губернатора взяты на учет.³⁸ Усилилась борьба с дезертирством. Дезертиры подлежали наказанию шпицрутенами или даже смертной казнью (в действительности последнюю меру применяли лишь в отдельных случаях в качестве устрашения), за укрывание дезертира были предусмотрены телесные наказания, крупный штраф или же отдача укрывателя в армию.

Но принятые властями меры не давали, однако, ожидаемого результата. Они натолкнулись на сильное противодействие со стороны всех основных классов населения.

Помещики являлись в армию или же посылали туда своих заместителей сравнительно в небольшом числе. Мобилизованные в земскую милицию крестьяне массами дезертировали. Иногда они прямо заявляли, что оставляют службу потому, что им не думают предоставить обещанных льгот.³⁹ Дезертирство из вербованных частей также принимало широкие размеры. Местное население дружно скрывало дезертиров. На вербовщиков часто нападали крестьяне и отбивали у них насильно завербованных братьев по классу (в организации подобных выступлений принимали иногда активное участие и помещики).

Старания Шлиппенбаха довести свою армию хотя бы до 20 000 человек не увенчались успехом. Ему удалось получить лишь небольшие подкрепления из Швеции и Финляндии. Основная масса рекрутов была отправлена в Польшу в армию Карла XII. Из местных гарнизонов Шлиппенбах получил некоторые части, а также значительно пополнил свои поредевшие после Эраствере части путем вербовки. К армии присоединилось и несколько сот призванных в армию помещиков, жителей мелких городов и немцев из сельской местности. Всего ядро армии Шлиппенбаха достигло 7 тысяч человек, а разрозненные отряды в мелких городах и опорных пунктах составляли (считая земскую милицию, за исключением частей в гарнизонах Тарту и Пярну) свыше 2 тысяч человек. Примерно 7 тысяч человек было у Кронгиорта, в Курляндии шведские войска насчитывали также около 7 тысяч человек. Всего в Прибалтике (включая Курляндию), считая и гарнизоны (в Риге около 5 тысяч, в Нарве свыше 3 тысяч, в Таллине, Тарту и Пярну в каждом около 2 тысяч человек), у шведов было до 32 тысяч человек регулярного войска, 7 тысяч человек земской милиции и призванных в армию немцев.⁴⁰ Это была значительная сила.

12 (13) июля 1702 года Шереметев выступил из Пскова с войском в 18 тысяч человек. 15 (16) июня он дошел до границы Лифляндии. Шлиппенбах, после первых столкновений между русским авангардом и передовыми отрядами шведских войск, созвал в своей главной квартире в Сангасте военный совет и решил отступить за реку Вяйке Эмайги (Väike-Emajõgi, Klein-Embach. Амовжа в журнале Шереметева). 18 (19 шв.) июля 1702 года при Хуммули (Гуммельсгоф) и произошло знаменитое сражение,⁴¹ которое закончилось полным разгромом войск Шлиппенбаха. Из семи тысяч ему удалось собрать впоследствии в Пярну лишь около 3 тысяч человек. Сколько пало их на поле боя — трудно установить. По всей вероятности, около 2 тысяч человек. Свыше 300 человек попало в плен, остальные были ранены или разбежались и дезертировали. Из армии Шереметева в сражении приняло участие примерно 15—16 тысяч человек. Потери русских войск определить труднее. Ход сражения показывает, что они были значительно меньше шведских потерь в части убитых и раненых. К тому же такая статья потерь, как дезертиры, у русских войск отсутствовала (или же составляла ничтожную величину).

³⁷ ЦГИА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 140, л. 134.

³⁸ Livl. Patent 1696—1703, патенты от 24 апр. 1702.

³⁹ ЦГА Латв. ССР, ф. 7349, оп. 1, ед. хр. 306, лл. 58 и 59.

⁴⁰ S. Backman, «Karl XII och den ryska sjömakten» av Arnold Munthe. Kritisk granskning av del I. KFA, 1927, стр. 104 и 105. Упомянутые статьи С. Nordensvana.

⁴¹ Журнал Шереметева, ст. 99 и сл.; ЦГИА, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 35, лл. 439—442 и др.

Дальнейший ход событий был вкратце следующим. Основные силы Шереметева 6(7 шв.) августа заняли укрепленную мызу Мынисте (Möniste, Mentzen), 25(26 шв.) августа капитулировал сильный опорный пункт шведов на востоке Лифляндии — Алуksне (Alüksne, Marienburg). В обоих местах было взято много пленных. Шведские войска в Валмиере (Valmiera, Wolmar) по инициативе подполковника Брандта (J. H. Brandt) сделали попытку организовать сопротивление русским отрядам. По призыву во всеобщее ополчение у Валмиера собралось до одной тысячи крестьян. Собранные крестьяне сразу же отказались от барщины, но с этим местные помещики не могли согласиться.⁴² В результате, крестьяне разошлись.⁴³ Таким образом, все долгие и тщательные приготовления к всеобщему ополчению провалились. Шведские отряды у Валмиера были разбиты русскими войсками.

В сентябре русские войска возвратились в Псков.

Попытаемся теперь установить, какое занимает место сражение при Хуммули в ходе военных действий в Прибалтике в первые годы Северной войны. За три первые года в Прибалтике произошли три крупные битвы: под Нарвой, при Эраствере и Хуммули. Они резко выделяются на фоне так называемой малой войны. В сражении под Нарвой приняло участие с обеих сторон около 40 тысяч, при Эраствере до 14 тысяч и при Хуммули около 23 тысяч человек.

Первое, что обращает здесь внимание, — это постепенный, но сравнительно быстрый рост боевых качеств русских войск. Под Нарвой, при соотношении сил 2,5 на 1 (первая цифра здесь и в дальнейшем — русские войска, вторая — шведские), шведские войска одержали победу. При Эраствере, при соотношении сил 3 на 1, русские войска не смогли разгромить группировку Шлиппенбаха, при Хуммули, при соотношении сил 2 на 1, они разбили шведские войска наголову.

Дело не в том, что у шведов не было достаточно военных сил в Прибалтике. Как мы уже видели, здесь находилось около 40 тысяч человек шведских войск: но шведское командование распылило эти силы на три полевые армии, на многочисленные более крупные и мелкие гарнизоны. Отсутствие единого командования, часто неприязненные отношения между командующими полевыми силами и генерал-губернаторами (или губернаторами), кому подчинялись гарнизоны в городах, мешали предпринимать общие действия всеми наличными силами и сосредоточивать их в решающих местах. Русское же командование умело использовало свои преимущества.

Значение битвы при Хуммули далеко не исчерпывается одним лишь фактом разгрома Шлиппенбаха. Под Нарвой русские войска потерпели поражение, но через два года русская армия превратилась в грозную силу. Неоднократно Карл XII одерживал победы над войсками Августа II, иногда он их громил (например, при Клишове). Тем не менее, Августу II через некоторое время удавалось снова организовать боеспособную армию. Совершенно иначе обстояло дело в Прибалтике.

Поражение при Эраствере еще не сломило боевого духа корпуса Шлиппенбаха (как мы видели, весной 1702 года Шлиппенбах строил планы пройти во главе 20- или 40-тысячной армии победным шествием по Псковщине), оно не причинило заметного ущерба военно-экономическому потенциалу шведской Прибалтики. Поэтому, спустя полгода после битвы при Эраствере Шлиппенбах смог выставить 7 тысяч человек. После Хуммули корпус Шлиппенбаха не превышал уже 3—4 тысяч человек и боеспособность его резко упала. Приближение русских войск, как правило, вызывало теперь паническое бегство частей Шлиппенбаха. В 1704 году корпус Шлиппенбаха вообще перестал существовать, а безработного главнокомандующего поставили вице-губернатором в Эстляндии. Для военных действий в Лифляндии был использован корпус Левенгаупта, который раньше находился в Курляндии.

Организовать новую армию в Прибалтике местным властям не удалось главным образом из-за сложных социально-экономических отношений, сложившихся к этому

⁴² ЦГИА, ф. 278, оп. 1, ед. хр. XVII—46, л. 43; там же, ед. хр. XX—18, лл. 23 и 24.

⁴³ Там же, ед. хр. XX—18, лл. 17 и 18 (письмо И. Х. Брандта К. Г. Фрëлиху от 7 авг. 1702).

времени. Политика шведских властей крайне обострила классовую борьбу на местах, к этому прибавились и конфликты их с местным дворянством и городской верхушкой. Местные шведские власти напрягали все свои силы, пытаясь организовать в 1701—1702 годах отпор русским войскам. После разгрома при Хуммули авторитет шведов упал, уменьшились и экономические ресурсы, росло противодействие мероприятиям властей. В этой обстановке создать новую боеспособную армию из местных ресурсов было невозможно.

Поэтому Хуммули было не только разгромом полевой армии Шлиппенбаха, но и началом серьезного кризиса шведской политики в Прибалтике, оно было таким ударом, от которого военное хозяйство в Прибалтике пришло в расстройство. После Хуммули местные власти все свои надежды возлагали на помощь извне: из самой Швеции, из Курляндии или же от армии Карла XII. В лице курляндской армии в 1705—1708 гг. в Лифляндии осталась единственная боеспособная полевая военная сила.

Некоторые буржуазные историки (Х. Сепп, О. Лийв) пытались обвинить во всех неудачах шведских войск, в том числе и в битвах при Хуммули, главнокомандующего полевой армией Шлиппенбаха. Другие, особенно О. Шёгрэн, всячески его оправдывают. Конечно, особым военным талантом Шлиппенбах не обладал. Он плохо понимал замыслы русского командования и слишком много уделял внимания разным интригам, часто устраивал различные банкеты и т. д. Но главное тут, конечно, не в этом. Основная причина заключалась в общей политике шведских властей, в их неспособности организовать военное хозяйство и рационально руководить имеющимися силами. С другой стороны, постепенный, но сравнительно быстрый качественный рост русской армии все больше определял ход военных действий в Прибалтике. Солидная экономическая база, огромные возможности России позволили с меньшим напряжением вынести бремя этой тяжелой войны. Более слабая экономика Швеции приходила постепенно в расстройство: сначала в Прибалтике, затем в Финляндии и наконец в самой Швеции.

Перейдем теперь к военно-стратегическим последствиям сражения при Хуммули. Разгром Шлиппенбаха и разрушение шведских опорных пунктов в восточной части Лифляндии (особенно Алуksне) обеспечили тыл русской армии с этой стороны. Петр I мог перебросить армию Шереметева в Ингерманландию и приступить к новому этапу войны — систематическому занятию шведских крепостей.

Победы при Эраствере и на р. Ижоре имеют по сравнению с Хуммули второстепенное значение. Военно-политическое значение Эраствере было сравнительно небольшим (не отрицая, конечно, ее крупного морального значения), оно не лишило шведскую сторону возможностей удвоить свою полевую армию в Лифляндии за несколько месяцев и, за исключением Ахья и Эраствере, не лишило ее опорных пунктов в восточной Лифляндии. На р. Ижоре Кронгиорту удалось свои основные силы вывести из-под удара. Только перебросив армию Шереметева в Ингерманландию, Петру I удалось надежно удержать шведские войска от нападения во время осады Орешка и особенно Ниена (Nyen, Nevanlinna).

Привлечение материалов прибалтийских архивов и данные шведской исторической литературы дают возможность с полным основанием считать поворотным пунктом в военных действиях в Прибалтике сражение при Хуммули. Лишь после Хуммули господство в Прибалтике полностью перешло к русским войскам. Это крупное сражение заложило основу дальнейших действий русской армии, в том числе и против армии Карла XII.

В то же время, данные местных архивов показывают, что одной из причин (и не последней по значению) военных неудач шведских войск в Прибалтике был все возрастающий конфликт шведских властей со всеми основными классами местного населения.

HUMMULI LAHINGU AJALOOOLISEST TÄHTSUSEST

H. Palli

Resüme

Põhjasõja esimeste aastate kohta puudub siiani monograafiline uurimus, mistõttu Nõukogude Liidugi ajaloo üldkäsitlustes esineb mõningaid ekslikke seisukohti üksikute tähtsamate lahingute hinnangutes. Käesolevas artiklis selgitatakse üht niisugust eba-kohta, nimelt Hummuli lahingu tähtsust.

Omaaegsed Eesti kodanlikud ajaloolased (H. Sepp, O. Liiv) püüdsid Rootsi vägede ebaõnnestumisi panna Liivimaa väliarmee ülemjuhataja W. A. Schlippenbachi arvele. Viimastel aastatel on Nõukogude Eesti ajaloolased hoolikalt välja selgitanud tohutu hulga seni peaaegu kasutamata arhiivimaterjali, mis lubab tunduvalt paremini mõista Põhjasõja sündmuste arengut ning Hummuli lahingu ajaloolist tagapõhja.

Neist materjalidest selgub, et sõja käigus teravnesid märgatavalt klassivastuolud, ning samal ajal süvenes ka konflikt Rootsi võimude ja kohalike valitsevate klasside vahel. Niisugustes tingimustes olid nurjumisele määratud kohapealsete ametiisikute energilised katsed tõmmata võimalikult suuremat osa meestest Rootsi lippude alla ja luua nendest hea võitlusvõimega sõjavägi. Äärmiste jõupingutustega suudeti 1702. aasta suveks W. A. Schlippenbachi väliarmee tuumikut suurendada 3000-lt 7000 meheni, kaasa arvatud ka mujalt saadud abijõud. Selle armee purustamine Hummuli lahingus andis rootslastele löögi, millest nad polnud enam võimelised üle saama. Uut võitlusvõimelist väliväge kohapeal enam luua ei suudetud. Seega ei kujutanud Hummuli lahing enesest mitte ainult võimsat sõjalist lööki Rootsi vägedele, Rootsi väliarmee purustamist Balti-mail, vaid ka Rootsi poliitika tõsise kriisi algust Liivi- ja Eestimaal.

Hummuli lahing demonstreeris Vene sõjavägede võitlusvõime suhteliselt kiiret tõusu, sest veel Erastvere lahingus polnud nad isegi palju suurema ülekaalu juures suutelised purustama W. A. Schlippenbachi korpust. Pärast Hummuli lahingut pöörasid Vene peaväed peamise tähelepanu Rootsi tugipunktide likvideerimisele Ida-Liivimaal. Nende edaspidine edukas tegevus Ingeri-, Eesti- ja Liivimaal sai võimalikuks eeskätt just tänu võidule Hummuli lahingus.

*Eesti NSV Teaduste Akadeemia
Ajaloo Instituut*

Saabus toimetusse
7. IX 1961

DIE HISTORISCHE BEDEUTUNG DER SCHLACHT BEI HUMMULI (HUMMELSHOF)

H. Palli

Zusammenfassung

Über die Anfangsjahre des Nordischen Krieges gibt es bisher keine monographische Untersuchung; aus diesem Grunde enthalten selbst die allgemeinen Darstellungen der Geschichte der Sowjetunion in den darauf bezüglichen Fragen einige falsche Auffassungen, betreffend einiger wichtiger Schlachten. In diesem Artikel wird ein solcher Punkt, nämlich die Bedeutung der Schlacht bei Hummuli behandelt.

Die estnischen bürgerlichen Historiker (H. Sepp, O. Liiv) schrieben die Misserfolge der schwedischen Truppen der Inkompetenz des Befehlshabers der livländischen Feldarmee W. A. Schlippenbach zu. In den letzten Jahren haben aber die sowjetestnischen Historiker eine Menge bisher beinahe unbenutzter Archivmaterialien sorgfältig durchgearbeitet, wodurch es möglich wurde, die Ereignisse des Nordischen Krieges und den geschichtlichen Hintergrund der Schlacht von Hummuli viel besser zu verstehen.

Aus diesen Materialien erhellt, dass sich die Klassengegensätze im Laufe des Krieges merklich verschärften, zugleich aber auch die Gegensätze zwischen den schwedischen Behörden und den örtlichen herrschenden Klassen. Die energischen Bemühungen der Amtswalter, möglichst viele Männer um die schwedischen Fahnen zu scharen und so eine kampffähige Armee zu schaffen, mussten in solchen Verhältnissen erfolglos bleiben. Mit den grössten Schwierigkeiten und mit Herbeiziehung auswärtiger

Hilfskräfte vermochte man schliesslich, im Sommer 1702 den Kern der Feldarmee von W. A. Schlippenbach von 3000 Mann bis auf 7000 Mann zu vergrössern. Die Zerspaltung dieser Armee in der Schlacht von Hummuli bedeutete den Schweden einen Schlag, wovon sie sich nicht mehr erholen konnten. Die Aufstellung einer neuen kampffähigen Feldarmee in Est- und Livland war ihnen nicht mehr möglich. Die Schlacht bei Hummuli war also für die Schweden nicht bloss eine militärische Niederlage, die Zerschlagung ihrer baltischen Feldarmee, — sie kennzeichnete auch den Anfang einer schweren Krise der schwedischen Politik in Liv- und Estland.

Die Schlacht bei Hummuli zeugte von einer relativ schnellen Entwicklung der Schlagkraft der russischen Truppen, da ja die Russen noch bei Erastvere trotz viel grösserer Übermacht nicht fähig gewesen waren, W. A. Schlippenbach's Corps zu besiegen. Nach der Schlacht bei Hummuli machten sich die Hauptkräfte der Russen vor allem an die Liquidierung der schwedischen Stützpunkte in Ost-Livland. Die weitere erfolgreiche Tätigkeit der Russen in Ingermannland, sowie in Est- und Livland wurde eben durch den Sieg bei Hummuli möglich.

*Institut für Geschichtsforschung
der Akademie der Wissenschaften
der Estnischen SSR*

Eingegangen
am 7. Sept. 1961